

**Мировоззренческая связь
поколений и социальных страт:
новые рамки философского
диалога в России.**

Дахин А.В., д.ф.н., проф. ВВАГС

В современном обществе России продолжается процесс изменения социальной структуры. Появляются новые социальные группы, видоизменяются те, что были привычными 20 лет назад.

Появилась группа офисных работников разного уровня («офисный планктон»), которые напоминают западные «белые воротнички».

Появились частные предприниматели, которые ассоциируются со «средним классом», и официальная политика провозглашает задачи развития этого класса.

Не менее активная политическая риторика касается вопросов борьбы с бедностью, что подразумевает сокращение социальной группы, объединяющей людей, живущих за чертой бедности.

Меняется класс заводских,
промышленных рабочих и его социальный
статус в современном обществе.

Наконец, активно формируются
религиозные сообщества, которые находятся
в поиске нового места в структуре
российского социума, складывается
дифференциация светского и религиозных
сообществ.

Среди современных исследователей есть те, кто полагает, «что одним из важнейших рисков грядущей модернизации в России является риск производства *новых* маргинальных групп, а, возможно, и *новых* опасных классов. Речь идет о людях, которые в силу своих физических и интеллектуальных способностей не смогут вообще адаптироваться к скорости модернизации, к усложняющейся социокультурной динамике, потенциально предрасположенных к образованию групп безработных, и особенно тех из них, кто не может освоить технологические инновации»(1).

Короче говоря, социальное строение общества в России находится в движении, социальные группы вошли в состояние повышенной пластичности и дрейфуют в сторону слабо прогнозируемых социальных формаций.

Одновременно, происходят изменения поколенческой организации современного общества:

замечено, что в ситуации быстрой смены технической оснастки деятельности человека возникает эффект *«укоренного старения» родительских поколений*: дети владеют более совершенными техническими системами, чем их родители и входят в роль «учителей» для собственных родителей.

Теоретическое осмысление таких процессов было дано в совместной статье П. Сорокина и Р.Мертонна «Социальное время. Методологический и социальный анализ» более полувека назад:

время и возраст определяется социокультурным общественным контекстом; точки отсчёта для измерения поколенческих границ зависят от проблем, преобладающих в обществе. В результате поколенческие рубежи имеют культурное, а не только календарное значение.

В России эффекты «ускоренного старения» родительских поколений активно проявляются в сфере потребления/использования технических новинок, тогда как в сфере производства они почти отсутствуют. Более того, в этой сфере происходит физическое старение занятых.

Тем не менее, отмечавшиеся Ш. Эйзенштадтом в конце 1950-х гг. моменты, определяющие отношения поколений, актуальны для современной России:

- Степень гармонии между ценностными ориентациями возрастных групп и основными институциональными нормами и ценностями социальной структуры;
- Степень, в которой возрастным группам переданы полностью институционализированные роли.

В свете этого подхода можно показать, что рост неопределённости межпоколенческих отношений и неустойчивости межпоколенных связей усиливается общей подвижностью, сыпучестью институциональной структуры общества, когда невозможно передать «полностью институционализированные роли».

Таков социо-культурный контекст, в котором действует современная система образования.

Именно в этом контексте необходимо определять её миссию, которая не может быть сведена к вопросам «платности — бесплатности», к дебатам «специалитет или бакалавриат», к дискуссии о включении или не включении теории Дарвина в образовательную программу и т.п.

Целесообразно исходить из того, что система образования – единственный социальный институт, который может осуществлять производство ключевых форм социальной идентичности для российского общества в индустриальных масштабах:

- гражданской идентичности,
- общекультурной идентичности,
- профессиональной идентичности.

Проблемные ситуации часто связаны с существенным расширением числа социальных субъектов, заинтересованно участвующих в организации образовательного пространства, куда наряду с институтами государства входят институты церкви, общественные объединения, правозащитные организации, бизнес, различного рода благотворительные фонды и программы, в т.ч. международные.

Такое многообразие участников создаёт новые зоны столкновения подходов и интересов, которые часто становятся источниками конфликтных ситуаций. Это требует нового качества от социального диалога, прежде всего, диалога по «сверке» основных ценностных, мировоззренческих ориентиров.

Одна из конкретных проблемных сфер вызвана формированием нового светско-религиозного соседства в российском обществе.

Отправной точкой диалога в этой сфере может стать уточнение социальной структуры общества в этом аспекте, уточнение социальных ролей светского и религиозного человека, определение границ их общей ценностной платформы.

В современной публичной полемике обычно используется упрощённая социальная модель, согласно которой общество делится на *верующих* и *не верующих* (атеистов). Модель слишком упрощена, чтобы соответствовать современным социальным реалиям. Это всё равно, что делить страны на европейские и не европейские, выделять в биосфере, скажем, животных и не животных и т.д.

Базовым основанием классификации такого рода является характер мировоззрения, то есть характер целостного, личностного и ценностного переживания человеком своего присутствия в мире. При этом в структуре личности и в коллективной психологии мировоззренческая культура всегда дополняется культурой профессиональной.

Мировоззрение формирует целостные и ценностные основы духовной жизни личности, а профессионализм – компетенции в узкой сфере деятельности, предназначенной для добывания социальных ресурсов сохранения жизнедеятельности человека.

Основными видами мировоззрения являются миф, религия и философия, причём, в каждом случае мировоззренческая духовная работа может стать профессией (жрецы, священнослужители, профессиональные философы), а может оставаться на уровне повседневной внутренней работы «в-себе и для-себя».

Часто «в голове» у человека присутствует смешение тех или иных мировоззренческих «верхушек», а иногда мировоззренческая работа почти умирает.

В свете этого подхода ориентир социального развития состоит в том, чтобы в обществе снижалось число людей, в жизни которых мировоззренческая работа угасла и чтобы увеличивалось число людей, для которых мировоззренческая работа является неотъемлемой частью их жизни.

При этом надо понимать, что в социальной плоскости разновидности мировоззрения движутся в сторону повышения уровня разнообразия.

Соответственно, если общая социальная платформа состоит в том, чтобы поднимать средний уровень мировоззренческой работы в обществе,

тогда сопутствующими следствиями этого станут бо́льшая самостоятельность людей в суждениях, большее, в этом плане, свободомыслие и свободо-действие, а также — бо́льшая вероятность обострения противоречий в понимании, обосновании ценностных предпочтений.

При такой перспективе необходимость, значимость нового формата социального диалога многократно возрастает, а решение проблемы связано с выбором языка многостороннего общественного мировоззренческого диалога.

Один из подходов состоит в том, что языком такого диалога может быть (и уже бывала не раз в истории) философия.

- Соответственно, система образования,
- с одной стороны, должна формировать высокую мировоззренческую культуру (в т.ч. через гражданскую, социо-культурную идентичности).
 - с другой стороны, - должна обучить философии – как языку многостороннего мировоззренческого диалога, а также основам языков доминирующих в обществе мировоззренческих систем.

Для этих целей в системе образования необходим развитый воспитательный компонент.

Конец презентации

Спасибо за внимание!